

УДК 94 (47)

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.49.47>

Проблема использования практик революционного террора при обороне Царицына в 1918 г. (по материалам дневника К. А. Махровского и исторических дискуссий о «заговоре инженера Н. П. Алексеева»). Часть 1

В. В. Бронштейн*

Музей современного искусства Сибири Виктора Бронштейна, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рассмотрены практики использования революционного террора при обороне Царицына в 1918 г. Дана оценка роли И. В. Сталина в развитии этих практик. Приводятся описание и критический анализ методов управления на примере арестов участников экспедиции К. А. Махровского. Проанализированы структура и содержание дневника Махровского как важного исторического источника, описывающего события обороны Царицына в годы Гражданской войны. Описаны действия сторон в ходе возможного конфликта различных представителей советской власти на местах. Поставлен вопрос об истоках применения революционного насилия в годы Гражданской войны и о возможности влияния этого фактора на дальнейшее развитие страны.

Ключевые слова: И. В. Сталин, Гражданская война, оборона Царицына, К. А. Махровский, Н. П. Алексеев, большевики, террор, заговор.

Для цитирования: Бронштейн В. В. Проблема использования практик революционного террора при обороне Царицына в 1918 г. (по материалам дневника К. А. Махровского и исторических дискуссий о «заговоре инженера Н. П. Алексеева»). Часть 1 // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2024. Т. 49. С. 47–59. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.49.47>

Original article

The Problem of Using of the Practices of Revolutionary Terror in the Defense of Tsaritsyn in 1918 (Based on the Materials of K. A. Makhrovsky's Diary and Historical Discussions about the “Conspiracy of Engineer N. P. Alekseev”). Part 1

V. V. Bronstein*

Museum of Contemporary Art of Siberia by Viktor Bronstein, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article examines the practice of using revolutionary terror during the defense of Tsaritsyn in 1918. An assessment is given of the role of I. V. Stalin in the development of these practices. A description and critical analysis of management methods is provided using the example of arrests of K. A. Makhrovsky's expedition members. The structure and content of Makhrovsky's diary as an

important historical source describing the events of the defense of Tsaritsyn during the Civil War are analyzed. The actions of the parties during a possible conflict between various representatives of Soviet power on the ground are described. The question is raised about the origins of the use of revolutionary violence during the Civil War and the possibility of the influence of this factor on the further development of the country.

Keywords: I. V. Stalin, defense of Tsaritsyn, K. A. Makhrovsky, N. P. Alekseev, Bolsheviks, terror, conspiracy.

For citation: Bronstein V.V. The Problem of Using of the Practices of Revolutionary Terror in the Defense of Tsaritsyn in 1918 (Based on the Materials of K.A. Makhrovsky's Diary and Historical Discussions about the "Conspiracy of Engineer N.P. Alekseev"). Part 1. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2024, vol. 49, pp. 47-59. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.49.47> (in Russian)

Целью данной статьи является анализ различных сталинских практик управления в ходе обороны Царицына в 1918 г., которые в последующие годы проявятся как важные составляющие механизма сталинских репрессий.

Само описание историками сталинского Царицына выстраивается по шкале от апологетики Сталина, часто выражаемой сподвижниками [4], до ее полного развенчания, например, представителями антибольшевистского контрреволюционного движения [9]. Такое разделение, начавшееся еще в советский период, сохраняется до сегодняшнего времени. По мнению С. С. Войтикова, существуют две тенденции в оценке деятельности Сталина в Царицыне [3, с. 123]. Одна, критическая, связана с переоценкой традиционных советских подходов [1], а вторая продолжает советские исторические каноны [5; 8]. Несмотря на большое количество исторических исследований, посвященных данной теме, она все равно продолжает вызывать интерес историков, что связано с комплексностью и сложностью анализа ее составляющих. В основе нашего исследования лежит интересный исторический источник, отчет старого большевика К. А. Махровского, функционера новой власти, выполнявшего важное партийное поручение и арестованного в Царицыне в период, когда городом фактически управлял Сталин [6].

На протяжении всей Гражданской войны проблемы снабжения продовольствием, топливом и организация транспортного сообщения представляли как основные вызовы для всей послереволюционной российской экономики, находившейся в состоянии упадка и постоянного кризиса, вызванного военной обстановкой. Сама экономика часто оказывалась или полностью разрушенной, или деградирующей до примитивных простейших форм натурального обмена вещами и продуктами с целью простого человеческого выживания. При этом все три вышеперечисленные сферы экономики были тесно увязаны друг с другом, и упадок в одной из них напрямую вел к появлению проблем в других. В рамках продолжавшегося процесса институционального развития, часто носившего спорадический характер, выражавшийся в простом реагировании на возникающие проблемы, большевистский режим долгое время продолжал полагаться на специальных уполномоченных для выполнения задач особой важности.

Весной 1918 г. продовольственный кризис в городах, находившихся под контролем советской власти, превратился в наиболее опасную и требующую немедленного решения экономическую проблему. Поначалу у нового прави-

тельства не было собственной выработанной продовольственной политики. Вместо этого власти полагались или на работу институтов, созданных до революции, или на инициативу активистов и на «сознательных» рабочих. Но поскольку город не мог предложить деревне много товаров для взаимовыгодного обмена, а голод усиливался, то развивалась тенденция к принятию на уровне власти все более агрессивных стратегий по поиску и приобретению продовольствия. В этих условиях Сталин был назначен руководителем продовольственного дела на Юге России и ответственным за доставку продовольствия с юго-востока в центр. Он отправился в путь 4 июня с 450 вооруженными людьми. Сталин стремился использовать это назначение, чтобы проявить себя и завоевать расположение Ленина. 7 июня он телеграфировал Ленину, пообещав отправить восемь эшелонов продовольствия и заявив, что уже начал вывоз зерна с Кубани [7, с. 290]. Надо отметить, что первоначально Ленин на должность главы миссии планировал назначить А. Г. Шляпникова. Но нарком продовольствия А. Д. Цюрупа предложил отправить Сталина, поскольку он был знаком с местными условиями. Ленин, очевидно, не возражал против кандидатуры Сталина, но он хотел, чтобы руководителем экспедиции был Шляпников. На заседании Совнаркома 30 мая, после бурного обсуждения, было решено предоставить Сталину мандат с чрезвычайными полномочиями (по статусу равный мандату Шляпникова). Предполагалось, что это необходимое условие для принятия мер в случае чрезвычайной ситуации. После того как Шляпников задержался в Москве из-за проблем в комиссариате труда, Сталин стал единоличным лидером миссии [10, с. 3–12]. Оказавшись в Царицыне, он начал стремительно выстраивать режим полного контроля над осажденным городом, занимаясь не только вопросами продовольствия, но и вмешиваясь в управление военными действиями. Но Сталин не был единственным представителем советской власти на местах, наделенным специальными полномочиями. Наличие таких уполномоченных, естественно, ставило под сомнение возможности бесконтрольного усиления режима сталинской власти. При этом сам стиль депеш Сталина отличался постоянными нападками на других представителей советской власти в регионе. Он подчеркивал собственную компетентность и революционную бдительность. К упомянутым представителям центра на местах можно отнести высокопоставленного чиновника Высшего совета народного хозяйства, ответственного за налаживание снабжения центра топливом, К. А. Махровского, старого большевика, с которым Сталин вступил в противостояние за разграничение полномочий [2, с. 630, 640].

Их противостояние стало предметом анализа во время заседания Совнаркома 12 июля. Обвинения Сталина против Махровского в преступном неисполнении служебных обязанностей были отвергнуты. Ленин указал на то, что он уверен, что Сталин оскорбил Махровского в порыве гнева [2, с. 630, 640]. На этом же заседании Махровский оказался вовлеченным в институциональный конфликт между его ведомством, Главным нефтяным комитетом (Главконефть) при Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ) и Транспортным комиссариатом Совнаркома (НКПС). В частности, НКПС до-

бывался права закупать нефть в Грозном (нефтяная промышленность тогда еще не была национализирована) и транспортировать ее для нужд железных дорог. Позицию НКПС отстаивал нарком В. И. Невский, опираясь при этом на экспертное мнение технического специалиста Н. П. Алексеева. Руководитель Главконефти Н. Л. Соловьев и К. А. Махровский как член коллегии Главконефти выступили против предоставления отдельных прав на закупку топлива каким-либо другим учреждениям. Их аргументы были оценены как более убедительные, поскольку они больше соответствовали ленинской политике установления государственной монополии в экономике.

Совнарком предоставил Главконефти право организовать собственную экспедицию в Грозный и выделил десять миллионов рублей для закупки нефти. Сама экспедиция предусматривала сотрудничество Главконефти и Наркомата путей сообщения как необходимое основание для успеха задуманного проекта [6, с. 1]. Ленин подписал распоряжение Совнаркома, уполномочивающее Махровского совместно с представителем Наркомата путей сообщения принять все необходимые меры для получения и транспортировки нефтепродуктов из Грозного, Екатеринодара и Новороссийска в пункты, указанные Главконефтью. После совещания Махровский подошел к Невскому и спросил, кого бы он хотел видеть представителем наркомата. Невский без колебаний выбрал Алексеева, заявив, что, хотя специалист и не большевик, он является честным и деятельным работником. Данное свидетельство Махровского выглядит вполне правдоподобно: Невский действительно полностью доверял Алексееву. Например, в мае 1918 г. Невский объяснял местным железнодорожным чиновникам, что Алексееву разрешено бесплатно ездить в отдельном вагоне, отцеплять вагоны по своему желанию и формировать поезда в качестве специального представителя Наркомата путей сообщения.

Во время своего первого разговора с Алексеевым Махровский узнал, что наркомат уже начал готовить поезд для экспедиции. Когда экспедиция отправилась в путь 20 июля, ее сопровождал С. М. Киров, занимавший пост председателя Терского областного совета. Еще два пассажира присоединились к компании 27 июля, когда поезд сделал остановку в Воронеже. Алексей взял с собой двух своих сыновей, чтобы они сопровождали его в поездке: Александра, двадцати одного года, и Павла семнадцати лет. 23 июля экспедиция без происшествий прибыла в Царицын [Там же, с. 3]. Сразу же по прибытии Махровский доложил об этом Сталину, который сообщил ему, что экспедиция не может двигаться дальше поездом. Железная дорога, которая вела в Грозный, местами оказалась под контролем восставших чеченцев, а также существовала угроза нападений со стороны терских казаков [Там же]. Никто не мог сказать, как долго продлится эта неожиданная задержка.

Вместо того чтобы сидеть и ждать в поезде возобновления экспедиции, Махровский исследовал местные запасы нефтепродуктов и обнаружил, что для центра можно выделить и отправить без всяких проблем для региона несколько эшелонов. Однако эшелоны с топливом сложно было отгрузить сразу, так как первоочередной задачей была отправка продовольствия, в котором остро нуждались центральные губернии. Превысив свои полномочия,

Махровский на свой страх и риск организовал расчистку железнодорожного узла и выделение дополнительного транспорта, в первую очередь за счет перемещения солдат, расквартированных на станции, из товарных вагонов в стационарные казармы. Он только начал заправлять первые вагоны-цистерны для отправки в центр первого эшелона с топливом, когда донские казаки под командованием генерала П. Н. Краснова перерезали железнодорожные пути, которые вели в центр. Активная деятельность Махровского, возможно, имела непредвиденные для него самого последствия. Усиление влияния Сталина в центре и его претензии на полный контроль очевидным образом противоречили вмешательству Махровского в местные дела. Махровский начал реорганизацию системы местного самоуправления процессами сбора и хранения запасов топлива, но это не отменяло первоначальных задач, поставленных перед экспедицией Совнаркомом. Махровский и Алексеев решили отправиться на фронт, чтобы посмотреть и оценить на месте, смогут ли они выполнить следующий этап своей миссии, передвигаясь при этом не поездом, а на автомобиле. Но недалеко от линии фронта они были арестованы и едва не расстреляны из-за ссоры по поводу сомнений в их статусе и подозрений солдат по отношению к «чужакам» [6, с. 4–5]. В конце концов Ворошилов освободил их и подтвердил, что они смогут добраться до Грозного на автомобиле [Там же, с. 6–8].

Вернувшись в Царицын, Махровский решил, что в сложившихся обстоятельствах цели экспедиции не могут быть достигнуты. Его полномочия как руководителя группы были вполне определенными, и он не хотел полностью менять предварительные планы. Он отвечал за выделенные десять миллионов рублей, которые Совнарком, возможно, захотел бы использовать на другие цели. Махровский решил вернуться в Москву, чтобы отчитаться и получить новые указания. Что именно случилось в отсутствие Махровского, остается до конца неясным. Если использовать метафору детективного сюжета, имеет смысл обратиться к наличию в данной истории большой суммы денег. Деньги хранились в двух чемоданах, а ключ от них был у Махровского. Чемоданы были заперты в шкафу, ключ от которого хранился у секретаря группы, супруги Махровского А. В. Бурцевой (Махровской). Единственными людьми, которые знали, что деньги были в поезде, были сами Махровские, Алексеев, Киров и Лауэр, командир охраны поезда.

Ничего не происходило с момента отъезда Махровского в Москву вплоть до 13 августа, когда после выполнения своих административных задач в Астрахани в Царицын вернулся Киров и сразу отправился к Бурцевой. Узнав, что Махровский в отъезде, Киров попросил Бурцеву передать ему деньги. Она ответила, что хотя он и партийный товарищ, но он не имеет никакого отношения к Главконефти, и ее служебной обязанностью является хранение денег для организации. Киров ответил, что сам Сталин приказал передать деньги. Но Бурцева все равно отказалась расстаться с деньгами, и Киров уехал ни с чем. Позже Киров вернулся уже с 20 вооруженными солдатами и потребовал деньги. Бурцева снова отказалась, добавив, что Киров не показал ей никаких документов, проясняющих ситуацию. Тогда Киров

предъявил приказ, подписанный Сталиным, который уполномочивал Кирова распоряжаться деньгами по своему усмотрению. В соответствии с приказом любой, кто стал бы препятствовать передаче денег, должен был быть арестован и передан в ЧК. Тем не менее Бурцева все равно отказалась. Она настояла на том, чтобы лично обсудить этот вопрос со Сталиным. Киров не возражал. При этом он заверил ее, что это не его дело. Он просто выполняет приказ Сталина. Киров утверждал, что даже не знает, зачем Сталину понадобились деньги, сказав: «...может быть, он их в печке хочет сжечь» [6, с. 10]. Бурцева попросила Алексеева сопровождать ее на встречу для того, чтобы четко объяснить Сталину цели их экспедиции. Во время встречи Сталин указал, что Кирову необходимо было взять с собой в Астрахань крупную сумму денег, но уехать он должен был ранним утром, до открытия банка. Сталин предложил просто занять деньги, чтобы предотвратить задержку с отъездом Кирова. Он пообещал вернуть ту же сумму из банка уже на следующий день. Бурцева согласилась со Сталиным, но заявила, что сообщит в центр о его действиях.

История Сталина действительно не кажется убедительной. Во-первых, Киров впервые приехал к Бурцевой рано утром, но уже в рабочее время. Во-вторых, если Сталин считал, что может на законных основаниях отдать приказ вооруженной группе людей забрать деньги, принадлежащие советскому учреждению «Главконнефть», то что мешало ему заставить банк возобновить работу на достаточное время для оформления и передачи денег? Мы видим, что возникают вопросы. На следующий день Бурцева и специалист Главконнефти Н. А. Мухин отправились к Сталину, чтобы получить разрешение на выплаты из банка. Как только деньги оказались у них на руках, Алексеев посоветовал Бурцевой не возвращать их в прежнее тайное место. Бурцева согласилась с планом Алексеева спрятать деньги у его шофера.

Когда Махровский вернулся из Москвы, все оставалось по-прежнему, но он был встревожен, когда узнал о действиях Сталина. По его мнению, необходимо было немедленно приступить к работе. Алексеев также призвал максимально ускорить работу. Они запланировали отплыть из города на судне, а затем пересесть на автомобиль, взяв с собой в дорогу только самых надежных охранников, оружие и деньги. На следующий день, 16 августа, они узнали, что комендант Царицына И. К. Якимович должен был дать свое разрешение, прежде чем кто-либо смог бы покинуть город. Махровский и Алексеев в соответствии с этим распоряжением прибыли к Якимовичу, чтобы предъявить свои мандаты. Но когда комендант увидел, что удостоверение Алексеева было подписано председателем Реввоенсовета Троцким, он заявил, что Алексееву придется получить разрешение Военного совета, действующего в Царицыне. Махровский и Алексеев отправились в место расположения Военного совета, где встретились с членом совета С. К. Мининым. Вскоре прибыл посыльный, который сообщил Алексееву, что Сталин хочет встретиться с ним и ждет снаружи. Махровский, желая переговорить со Сталиным о деньгах, тоже вышел с ним. Сталин сначала обратился к Алексееву. Сталин сказал, что, поскольку автомобиль Алексеева был самым мощным в

городе, он хотел бы использовать его для поездок на фронт, взамен он оставит свою машину. Алексеев согласился без возражений. Затем Махровский и Сталин поприветствовали друг друга. Как бы в шутку Сталин спросил Махровского, сообщал ли он в центр об инциденте с десятью миллионами рублей. Махровский сказал, что его жена отправила сообщение по телеграфу в Москву. Затем Сталин отбыл на фронт. Минин объяснил, что, хотя военная обстановка под Царицыном улучшилась, экспедиция Махровского сейчас не может быть продолжена. Из Астрахани пришло известие о «белогвардейском мятеже», из-за которого поездки туда были запрещены. Кроме того, Баку только что был оккупирован англичанами, и сообщение с Северным Кавказом было прервано. Затем Минин попросил Махровского и Алексеева на время помочь в Царицыне. Минин пожаловался, что в Царицыне не осталось образованных активистов («интеллигентных работников»). Махровский и Алексеев немедленно согласились помочь.

Возвращаясь на железнодорожный вокзал в машине Сталина, двое мужчин были остановлены группой вооруженных людей. Затем появился И. К. Якимович с человеком, который указал на Алексеева. При этом комендант заявил, что Алексеев – предатель, который прикрывается мандатом Троцкого. Алексеев протестовал, утверждая, что это, должно быть, ошибка, и отрицал, что знал хоть что-нибудь о человеке, который опознал его. Махровский вообще не понимал ситуации, потому что, как он позже писал, у него тогда не было достаточного опыта знакомства с нравами Царицына, «где бесчисленное количество комиссаров ежедневно арестовывают друг друга из-за конфликта полномочий». Комендант сказал Махровскому, что он не арестован, но будет содержаться под стражей до тех пор, пока не будет подтверждена его личность.

По пути в ЧК под охраной Махровский не особенно волновался. Тем не менее он в частной беседе спросил Алексеева, не совершил ли он, будучи беспартийным, какой-либо неосторожности в отсутствие Махровского. Действительно ли он не знает человека, который указал на него коменданту? Алексеев утверждал, что не знал этого человека и не понимает, почему его арестовали. В кабинете председателя ЧК Якимович рассказал, что он арестовал информатора Г. А. Угневенко и нашел у него документы, касающиеся антисоветского заговора. Предположительно, среди бумаг был план захвата власти в Царицыне. Якимович сказал, что, когда Угневенко пообещали помилование, он согласился назвать лидера группы. Многие люди, находившиеся в комнате, сразу же начали обвинять и проклинать Алексеева. Из того, что он мог разобрать среди шума, Махровский понял, что чекисты думали, что имеют дело с крупным заговором с участием правых эсеров и бывших офицеров. Из всех сил стараясь быть услышанным, Алексеев заявил о своей невинности и обвинил Угневенко во лжи. Железнодорожный специалист заявил, что с тех пор, как он пробыл здесь месяц, его многие знали, особенно потому, что, когда он приезжал в город по делам, он отчетливо выделялся в толпе. И учитывая время и место происходящего, его просто хотят сделать вероятным козлом отпущения.

Махровский указал чекистам, что абсурдно арестовывать человека только потому, что его задержали в компании другого человека, который был обвинен в преступлении. Это привело в ярость одного из чекистов, оказавшегося председателем ЧК А. И. Червяковым. Он с криком вскочил и начал угрожать Махровскому револьвером. По словам Махровского, Червяков был возмущен тем, что Махровский критиковал действия защитников советской власти. Махровский, в свою очередь, решительно отстаивал свои заслуги перед партией, революцией и советской властью. Затем он снова упомянул про свой мандат и цели экспедиции. Выступление Махровского, очевидно, произвело впечатление на Червякова, потому что последний согласился освободить задержанного, если Сталин или Минин поручатся за него [6, с. 14–15]. Во время очередной встречи Махровского и Червякова последний особое внимание уделил мандату, подписанному Лениным. Возвращая его Махровскому, Червяков поставил под сомнение важность этого документа. По его словам: «В наше время мы не можем придавать никакого значения мандатам, подписанным Лениным. Мы нашли бывших владельцев угольных шахт в Донбассе с мандатами от Ленина и требованием сотрудничества. Мы арестовали их и посадили в тюрьму».

Червяков начал допрашивать Махровского, который рассказал важные факты из своего прошлого. Когда Махровский упомянул, что он работал в нефтяной промышленности с 1916 г., Червяков сказал: «То есть вы были специалистом... Все специалисты – буржуи, и большинство из них – контрреволюционеры» [6, с. 16]. Махровский с гордостью продемонстрировал свой партийный билет, чтобы доказать, что он не просто специалист, но Червяков отверг партийный билет как возможную подделку. Разозлившись, Махровский заявил, что если Червяков не хочет признавать ни мандат, выданный руководящей властью, ни важный партийный билет, то он, Махровский, в свою очередь, может начать сомневаться, что Червяков и его люди были теми, за кого себя выдавали. Червяков ответил, что это работа ЧК – не верить никому, но у Махровского нет таких прав, потому что он находился под арестом. Затем его обыскали и препроводили в маленькую комнату, где уже находился Алексеев. Махровского снова обыскали, что особенно оскорбило его, но он все еще считал, что освобождение возможно в любой момент. Алексеева увели для дальнейшего допроса. Когда он вернулся, он сказал, что чекистов, по-видимому, особенно интересовали деньги экспедиции. Затем в камеру вошел начальник отдела по борьбе с контрреволюцией, некто Иванов. Он поговорил с Алексеевым, а затем затеял интересную беседу с Махровским.

Иванов начал задавать Махровскому стандартные вопросы любого допроса: имя, место рождения, образование и так далее. Махровский, все еще скорее возмущенный, чем испуганный, ответил, что он уже предоставил всю эту информацию, когда его допрашивал Червяков. Иванов затем стал отрицать, что его целью является допрос Махровского, заявив, что он просто хочет по-товарищески побеседовать. Махровский ответил, что товарищам не обязательно знать места рождения друг друга, чтобы беседовать. Получив

такой отпор, Иванов начал монолог, в котором сослался на тяжелую участь чекиста в те времена. Затем он заверил Махровского, что невиновным нечего бояться. Махровский ответил, что у царицынских товарищей странный способ ведения дел. Если бы они продолжали арестовывать всех товарищей, присланных из центра, они скоро остались бы предоставленными сами себе. Ответ Иванова можно расценивать как концентрированное выражение позиции местных властей. Он сформулировал ее следующим образом, что необходимо перестать говорить о центре и необходимости подчинения его указаниям на местах. «В Москве все делают по-своему, а здесь мы делаем все заново и на свой манер. Что касается того факта, что Ленин раздает мандаты людям, которых мы потом арестовываем, что ж, это абсолютно верно. Ленин может ошибаться. Конечно, он хорошо пишет указы. Мы с ними знакомимся и применяем те из них, которые соответствуют местным условиям. Но центр не может диктовать нам что угодно. Мы диктуем свою волю центру, ибо мы – власть на местах» [6, с. 17–18]. Махровский пытался спорить с Ивановым, но они не могли найти общего языка.

В конце дня он задремал на досках. На следующий день после обеда ему дали кусок хлеба и стакан чая – это был его первый прием пищи за 24 часа. Алексеева опять увели. Махровский попытался объяснить самому себе свою уверенность в собственном освобождении. Минин на самом деле не знал его близко, хотя они и встречались. Таким образом, только Сталин мог поручиться за него. Но Сталин, вероятно, все еще разъезжал по фронту в машине Алексеева. Через некоторое время Махровского отвели в кабинет Червякова. По одну сторону стола сидели Червяков и Якимович вместе с шестью или семью чекистами, неизвестными Махровскому. По другую сторону стола, куда посадили Махровского, сидели Бурцева, Мухин, старший сын Алексеева, Александр и сам Алексеев. Лицо Алексеева представляло сплошную кровавую маску. Махровский не мог сказать, потерял ли Алексеев один глаз или глаз просто закрыт опухолью и коркой крови¹. Увидев Алексеева ближе, Махровский ужаснулся последствиям побоев. Главной темой допроса были десять миллионов рублей. Чекисты хотели, чтобы Махровский объяснил, почему деньги были спрятаны. Махровский ответил, что ему ничего об этом неизвестно, и переадресовал вопрос Мухину. Нефтяник объяснил, что Лауэр и он сам запаниковали после ареста Махровского и Алексеева. Они перепрытали деньги. Когда они, в свою очередь, были арестованы, они указали местонахождение тайника. Махровский попытался выгородить своих людей и оправдать их действия, заявив, что они просто потеряли голову от страха. Но чекисты начали угрожать расстрелять всех [Там же, с. 19]. По мнению Махровского, все проблемы были исключительно следствием того, что Сталин пытался скрыть глупость своих действий с деньгами, переложив вину на Бурцеву и других.

Организаторы допроса проигнорировали этот аргумент. Они заявили, что Алексеев был лидером заговора с целью свержения советской власти в

---

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 1. Д. 5718. Л. 177, 178.

Царицыне. Он будет расстрелян. Когда Махровский спросил, какими доказательствами они располагают, они сослались на бумаги, которые были найдены у Угневенко. Присутствующий Алексеев возразил, что на клочках бумаги, о которых идет речь, записи сделаны не его почерком. Когда Махровский спросил чекистов, сравнивали ли они почерк Алексеева с тем, что был обнаружен на бумагах, они ответили, что такова была процедура царской охраны, а не ЧК. Чекисты заявили, что судьба Алексеева решена. Но, по их мнению, если правильно будет расстрелять Алексеева, то вдвойне правильнее будет повесить или расстрелять Махровского, потому что он был членом партии. Почему, по мнению сотрудников Царицынской ЧК, Махровский должен был быть расстрелян? Во-первых, он приехал из Москвы вместе с Алексеевым и не смог обнаружить, что специалист был контрреволюционером. А самое главное, Махровский не смог сберечь деньги, которые были выданы под его ответственность [6, с. 20].

Вернувшись в свою камеру, которую он теперь делил с Александром Алексеевым, Махровский был потрясен всем происходящим. Он вспоминал, что стал совершенно апатичным и просто сидел, уставившись в пространство. Он утверждал, что его ошеломил не страх смерти, а то, что его недавние переживания не поддавались никакой логике. Его собственное чувство идентичности старого большевика оказалось под ударом. Как можно было обвинить преданного члена партии с 1905 г. в пособничестве контрреволюции? Все, чего он добился в своей жизни, пошло прахом [Там же, с. 21]. В ту ночь на дежурство заступил новый охранник, который обошелся с Махровским по-товарищески. Повесив пояс с оружием на крючок, охранник ушел заваривать чай, а Махровскому пришлось удерживать молодого Алексеева от самоубийства. Сыну не сказали, расстреляют ли его на следующий день вместе с отцом. Но он заявил, что не хочет жить после смерти отца. Махровский испытал еще одно потрясение, услышав, как чекисты избивали и унижали Алексеева в присутствии его сыновей. Оба сына и Мухин также подверглись избиениям. Махровский, все еще пытаясь докопаться до сути дела, спросил Александра, видел ли он когда-нибудь раньше Угневенко. Молодой Алексеев поклялся, что никогда не видел этого человека [Там же, с. 22–23].

На следующее утро, 21 августа, появился очередной чекист, чтобы задать Александру еще несколько вопросов. На вопрос, был ли он офицером, Алексеев ответил, что нет, он был студентом. Тем не менее, когда позднее ЧК опубликовала информацию о казнях заговорщиков в газете, Александр Алексеев был упомянут как бывший офицер, звание которого не установлено. Затем в тот же день в камеру Махровского поместили Мухина. Ранее его содержали в помещении, которое находилось рядом с кабинетом Червякова, откуда можно было слышать, как проводился последний допрос Алексеева. В ходе допроса выяснилось, что офицер подразделения сербских частей в Царицыне призвал своих подчиненных начать мятеж против советской власти. Вместо этого солдаты избили этого офицера, некоего Вассовича, и сдали его в ЧК. Вассович подвергся избиению, продолжавшемуся от одного до двух часов, а затем его привели для очной ставки с Алексеевым.

Офицер заявил, что Алексеев виноват, и набросился на него. По чекистской логике, дополнительным свидетельством вины Алексеева и его сыновей было их поведение перед расстрелом. Чекисты были впечатлены мужеством, которое Алексеев и его сыновья проявили в свои последние минуты. Они истолковали мужество жертв как доказательство преданности делу контрреволюции, исходя из предположения, что люди, не преданные какому-либо делу, не могут вести себя так героически. Один чекист даже утверждал, что незадолго до своей смерти старший Алексеев крикнул: «Да здравствует контрреволюция!»

ЧК объявила о казни 23 заговорщиков. Но общее число жертв этого инцидента сейчас установить невозможно. Махровский сообщает, что в связи с предполагаемым заговором было арестовано гораздо больше подозреваемых. По крайней мере, один из них, местный партийный активист, который не смог пережить столь радикального разочарования в деле всей жизни, совершил самоубийство, бросившись с балкона. Некоторые из тех, кто был казнен и обвинен в участии в заговоре в газете, так и не были обвинены официально в совершении преступления до самой своей смерти. Обвинения были добавлены позже, возможно, скорее, для соблюдения бюрократического порядка, чем как итог реального расследования. Махровский указывает, что председатель местного потребительского кооператива был задержан, но ему не было предъявлено обвинение ни в каком преступлении. Ему объявили, что он будет освобожден на следующий день, но вместо этого его расстреляли. Другой мужчина следовал через Царицын по пути в Москву, когда его задержали. Он содержался в камере рядом с Махровским, пока его не увели на расстрел. Оба этих человека были указаны в газете как участники «заговора Алексеева». Бывший прапорщик царской армии попал в камеру Махровского через некоторое время после того, как Алексеевы были казнены. Он прочитал призыв к бывшим офицерам вступать в Красную армию и решил записаться. Затем он был арестован вместе со всеми другими добровольцами. Этот человек был расстрелян и указан как еще один участник заговора Алексеева, выявленный в рядах Красной армии². Помимо уже упомянутых жертв, девять других расстрелянных в связи с предполагаемым заговором, как утверждается, были бывшими офицерами. Возможно, некоторые из них также пытались записаться добровольцами в Красную армию, когда их забрали для формирования чекистского дела [6, с. 26].

После казней Махровскому показалось, что руководители ЧК забыли о нем. Дверь его камеры была не заперта, и никто не мешал ему свободно передвигаться по зданию. Партийная дисциплина, очевидно, все еще удерживала его от бегства. Ему представилась интересная возможность наблюдения за деятельностью Царицынской ЧК изнутри. От него мало что можно было скрыть, потому что рядовые чекисты охотно рассказывали ему о своей работе. Расстрелы были обычным делом. Как и в примере, упомянутом выше, стало почти обычным делом расстреливать людей, которых задержали без

---

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5718. Л. 196–198.

уважительной причины, а затем задним числом обвинять их в участии в «заговоре». Процесс ареста происходил более или менее независимо от процесса предъявления обвинений.

22 августа Исполнительный комитет местного Совета заслушал доклад о незаконной деятельности Царицынской ЧК, включая случаи расстрела без проведения следствия или на основании ложных доносов. Комитет сформировал комиссию по расследованию деятельности ЧК. Но, когда члены комиссии прибыли в штаб ЧК, им «вежливо, но твердо» сообщили, что ЧК обладает неограниченными полномочиями, предоставленными центром. На этом основании ни одному местному учреждению не будет разрешено расследовать действия ЧК. По мнению Махровского, неписаное правило Царицынской ЧК состояло в том, чтобы предполагать, что любой обвиняемый – преступник по определению и виновен в предполагаемом преступлении и, вероятно, еще в большем количестве других преступлений. Вооруженные чекисты обыскивали и допрашивали всех, на кого поступал донос, а также членов семьи, друзей, соседей и всех, кто был связан с обвиняемым. Будут ли арестованные люди расстреляны, зависело не столько от накопленных и расследованных улик, сколько от характера чекистов, которые вели их дело, или от степени давления, которое руководители ЧК оказывали на своих подчиненных. Некоторые чекисты жаловались Махровскому на то, что они преследуют людей, ложно обвиненных соседями, коллегами по работе или другими лицами, с которыми у них были личные разногласия. В заключение первой части нашего исследования можно сделать вывод о том, что дневник Махровского как исторический источник содержит важную информацию, которая позволяет нам дать комплексную оценку различным практикам управления городом, в том числе связанным с репрессиями. Все эти действия были во многом обусловлены Гражданской войной и связаны с выстраиванием большевиками режима обороны Царицына в 1918 г.

Список литературы

1. Белов Д. А., Воробьев Е. П. Роль И. В. Сталина в формировании официальной версии истории обороны Царицына в годы Гражданской войны в России // Вестник архивиста. 2019. № 2. С. 558–571.
2. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника 1870–1924 гг. Т. 5. Октябрь 1917 – июль 1918. М. : Политиздат., 1974. 740 с.
3. Войтиков С. С. Новейшая историография деятельности И. В. Сталина в годы Гражданской войны // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 8. С.122–129.
4. Ворошилов К. Е. Ленин, Сталин и Красная Армия: статьи и речи. М. : Партиздат, 1934. 103 с.
5. Генкина Э. Б. Борьба за Царицын в 1918 г. М.: Политиздат при ЦК ВКП (б), 1940. 216 с.
6. Доклад от народного комиссара путей сообщения представителю Совета народных комиссаров товарищу Л. : М. : [б. и.], 1919. 65 с.
7. Из истории Гражданской войны в СССР. 1918–1922 : сб. док. и материалов. В 3 т. Т. 1. Май 1918 – март 1919. М. : Советская Россия, 1960. 854 с.
8. Меликов В. А. Героическая оборона Царицына (1918 г.) М. : Воениздат, 1938. 304 с.
9. Носович А. Л. Белый агент в Красной армии. Воспоминания, документы, статьи. М. : Нестор-история., 2021. 576 с.

10. Юдин В. Н. Ленин писал в Царицын: документально-публицистические очерки. Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1985. 256 с.

References

1. Belov D.A., Vorobiev E.P. Rol I.V. Stalina v formirovanii ofitsialnoi versii istorii oborony Tsaritsyna v gody Gragdanskoj voiny v Rossii [The role of I. V. Stalin in shaping the official version of the history of Tsaritsyn's defense during the Russian Civil War]. *Vestnik Arhivista* [Herald of an Archivist], 2019, no. 2, pp. 558-571. (in Russian)
2. Vladimir Ilich Lenin. *Biograficheskaya hronika. 1870-1924 gg. T. 5. Oktyabr 1917–iul' 1918* [Vladimir Ilyich Lenin. Biographical chronicle of 1870-1924. Vol. 5. October 1917–July 1918]. Moscow, Politizdat Publ., 1974, 740 p. (in Russian)
3. Voitikov S.S. Noveishaya istoriographia deyatelnosti I.V. Stalina v gody Gragdanskoj voiny [The latest historiography of I.V. Stalin's activities in The Civil War years]. *Vestnik RGGU Seria: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologia* [Bulletin RSUN/RGGU: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series], 2017, no. 8, pp.122-129. (in Russian)
4. Voroshilov K.E. *Lenin, Stalin i Krasnaya Armia: statyi i rechi* [Lenin, Stalin and the Red Army: articles and speeches]. Moscow: Partizdat Publ., 1934. 103 p. (in Russian)
5. Genkina E.B. *Borba za Tsaritsyn v 1918 g.* [The struggle for Tsaritsyn in 1918]. Moscow, Politizdat Publ., 1940, 216 p. (in Russian)
6. *Doklad ot narodnogo komissara putei soobshchenia predstavitelu Soveta narodnykh komissarov tovarishchu Leninu* [A report from the People's Commissar of Railways to the representative of the Council of People's Commissars, Comrade Lenin]. Moscow, 1919, 65 p. (in Russian)
7. *Iz istorii Gragdanskoj voiny v SSSR. 1918-1922: Sbornik dokumentov i materialov. V 3 t. T. 1. Mai 1918 – mart 1919.* [From the history of the Civil War in the USSR. 1918-1922: Collection of documents and materials. In 3 vols. Vol. 1. May 1918 – March 1919]. Moscow, Soviet Russia Publ., 1960, 854 p. (in Russian)
8. Melikov V.A. *Geroicheskaya oborona Traritsyna (1918 g.)* [The Heroic Defense of Tsaritsyn (1918)]. Moscow, Voenizdat Publ., 1938, 304 p. (in Russian)
9. Nosovich A.L. *Beliy agent v Krasnoy armii. Vospominania, dokumenty, statii* [A white agent in the Red Army. Memoirs, documents, articles]. Moscow, Nestor-history Publ., 2021, 576 p. (in Russian)
10. Yudin V.N. *Lenin pisal v Tsaritsyn: dokumentalno-publtsisticheskie ocherki* [Lenin wrote to Tsaritsyn: documentary and journalistic essays]. Volgograd, Nizhne-Volzhsky Book Publishing House Publ., 1985, 256 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Бронштейн Виктор Владимирович
кандидат экономических наук (прикладная социология), почетный профессор ИГУ, председатель экспертного совета Музей современного искусства Сибири Виктора Бронштейна
Россия, 664007, г. Иркутск,
ул. Октябрьской Революции, 3
e-mail: bronshteyn.victor@gmail.com

Information about the author

Bronstein Viktor Vladimirovich
Candidate of Sciences (Economics) (Applied Sociology), Honorary Professor ISU, Chairman of the Expert Council Museum of Contemporary Art of Siberia by Viktor Bronstein
3, Oktyabrskoi Revolyutsii st., Irkutsk, 664007, Russian Federation
e-mail: bronshteyn.victor@gmail.com